

Глава XI. Психологическая усталость и надломленность. (1923)

*Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.*

1. "Осыпает мозги алкоголь"

5 августа 1923 года Айседора Дункан и Сергей Есенин прибыли в Москву. Есенин нетвердой поступью вышел из вагона на платформу вокзала. Он был пьян, но русская земля вызвала в нем глубочайший эмоциональный взрыв. "Не... могу... знаешь, - признался потом Есенин Мариенгофу, – когда границу переехал – плакал... землю целовал... как рязанская баба". Встретили их Ирма Дункан и Илья Шнейдер.

Решено было поехать сразу в Литвиново, где отдыхали дети танцевальной школы Дункан. Там они прожили несколько дней; Есенин был трезв и весел. Но затем настроение Есенина началось портиться, и он решил, что нужно вернуться в Москву. В "Стойле Пегаса" Сергей встретился с Рюриком Ивневым, который отмечал, что "он как будто такой же, совсем не изменившийся, будто мы и не расставались с ним надолго. Та же обаятельная улыбка, но проглядывает, пока еще неясно, что-то новое, какая-то небывалая у него прежде наигранность, какое-то еле уловимое любование своим «европейским блеском», безукоризненным костюмом, шляпой. Он незаметно для самого себя теребил свои тонкие лайковые перчатки, перекладывая трость с костяным набалдашником из одной руки в другую".

Публика, находившаяся в кафе, узнав Есенина, начала с любопытством наблюдать за ним. Это не могло ускользнуть от Есенина. Играя перчатками, как мячиком, он важно говорит Ивневу, что нужно поехать в ресторан, где хорошо кормят, а здесь, в "Стойле", могут какую-нибудь гадость подсунуть. Кто-то из присутствующих вмешивается в разговор и советует поехать в "Эрмитаж". Айседора Дункан улыбается, ожидая решения своего "ангела". По приезде в «Эрмитаж» Есенин начинает капризничать: долго не мог решить, где лучше расположиться, в зале или на веранде? Наконец выбрали веранду. Вокруг Сергея начали суетиться официанты. Есенин

продолжает до бесконечности выбирать столики. То свет не так падает, то столик оказывался слишком близко к стеклам веранды, то слишком далеко. Наконец капризы Сергея всем порядком поднадоели. Они подняли бунт и не покинули своих мест, когда Есенин попытался снова забраковать столик. Тогда во время обеда Сергей принялся отвергать все закуски, которые были перечислены в меню. Ему хотелось чего-нибудь особенного, а «особенного» как раз и не было. С официантом он говорил чуть-чуть ломаным языком, как будто разучился говорить по-русски.

Издерганность и раздражительность Есенина бросались в глаза. За обедом у Есенина снова прорывались резкие ноты в голосе, когда он говорил с Айседорой Дункан. "Я почувствовал, – пишет Ивнев, – что в их отношениях назревает перелом". Айседора тоже понимала это. Через некоторое время Есенин снова бросил Дункан и пропал где-то три дня, плакался у друзей, изливая им свою наболевшую душу. Айседора поняла, что это конец! Она уже начинает подсознательно ненавидеть поэта за его скандалы, постоянные унижения, особенно за насмешку над ее детьми. И вот, не выдержав постоянного отсутствия Сергея, Айседора покупает два билета на поезд, отходивший в Минеральные воды той же ночью.

Неожиданно в комнату ворвался Есенин, и Дункан, забыв всю свою решимость прекратить с ним отношения, бросилась к двери с распростертыми объятиями. Но Есенина танцовщица уже не интересовала. Оттолкнув от себя Айседору, он бросился к своим чемоданам со всяким импортным барахлом, крича как сумасшедший, что убьет каждого, кто сунет туда нос. Затем он сделал небольшой бумажный сверток, как и встарь, с рубашкой и туалетными принадлежностями, и собрался выйти из комнаты. Разрыв становился неминуем. Айседора встала перед ним, и, глядя на него более строго, чем когда-либо ранее, сказала Сергею на своем ломаном русском, что если он опять уйдет, не сказав ей, куда он идет и как долго он собирается там оставаться, то это будет конец. Она не желает опять тревожиться о нем и не потерпит его исчезновений. И в любом случае она уезжает из Москвы этой ночью.

Когда Есенин пришел проститься с Айседорой, она, тронутая его появлением, пробовала уговорить его сесть в поезд. Но Сергей обещал приехать позже, возможно в Крым, и, после нежного прощания Дункан продолжала махать своим шарфом, пока ее "ангел" совсем не скрылся из виду. На следующий день Есенин пришел проститься со Шнейдером, объяснив тому, что переедет обратно в Богословский переулок к Мариенгофу.

Сергей был рад снова увидеть любимого Анатолия. Одетый как парижский "денди", Есенин при встрече снова начал жаловаться на Европу, обзывая ее мразью. "Ну, твои стихи перевел... свою книгу на французском выпустил... только зря все это... никому там поэзия не нужна... А с Изадорой — адью.. безвозвратно.." А затем начались обнимки, поцелуи, воспоминания и чтения стихов. Есенин прочел друзьям всю "Москву кабацкую". Яков Блюмкин, чекист-имажинист, начал было протестовать, "обвиняя Есенина, — как писал Старцев, — в упадочности". Сергей ожесточенно отвечал, что внутренне пережил "Москву кабацкую" и не может не читать этих стихов, в которых запечатлены его наблюдения и внутренние переживания. Какая-то грусть от непризнания его поэтического таланта, постоянное существование на третьих ролях, в положении почти что "альфонса", терзала его гордость. Поэтому по приезду, прежде всего, нужно выговориться друзьям, выставить себя в лучшем свете, переиначить все, найти причину своему поведению. Он постоянно рассказывал о своих сплошных скандалах по ресторанам и большой, мучительной, одолевавшей его там тоске.

— Когда приехали мы в Америку, — рассказывал он, — закатали нам обед роскошный. Ну, блестели там скатерти, приборы. От вина, блюд и хрусталя всякого стол ломился, а кругом все хари толстые, с крахмальными грудями сидели — смотреть было тошно. И так это мне скучно стало, и поделать ничего не могу. «Интернационал» — и то спеть не стоит, — не поймут, не обозлятся даже. Я это с тоски взял да и потянул скатерть со стола. Все на пол поехало да им на манишки. Вот дело-то было! Ха-ха-ха!

Сергей хорохорится, а на душе не сладко. Что делать дальше? Айседора как пришла, так и ушла, но сам-то он остается наедине с собой. Есенин читает своим друзьям "Москву кабацкую". Зародившиеся сомнения в истинности той жизни, которую он избрал, Есенин выразил в стихотворении "Не жалею, не зову, не плачу...". Это же печальное настроение отразилось и в стихах его, написанных за границей.

Постоянное пьянство Есенина, его скандалы, резкие переходы от бессмысленного спокойствия к бурному гневу — все это было реакцией на подсознательное желание забыться, не ощущать того, что происходит в душе и вокруг него. И только в редкие моменты Сергей выражает свои подлинные чувства в своих стихах. Однако этими чувствами правит затронутая за живое, оскорбленная гордость. Отсюда появляется то знаменитое есенинское страдание, та печальная и тоскующая нота, которая постоянным аккордом сопровождает стихотворения этих лет:

Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервые!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья червь?

Есенин чувствует, что страдает от неудачи и чувства вины, от одиночества и любви без взаимности. Он страдает, потому что имеет право на успех, популярность, славу первого поэта, которые, по его мнению, еще недостаточны для его самолюбия:

Я устал себя мучить бесцельно,
И с улыбкою странной лица
Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца...

За границей Все окружающее вызывало в нем отвращение. Поэтому и не видел Есенин ничего возвышенного и интеллектуального, что есть на Западе. «Он промчался по Европе, по Америке и ничего не заметил...– писал И. Эренбург. – Конечно, на Западе тогда был не только фокстрот, но и кровавые демонстрации, и голод, и Пикассо и Ромен Роллан, и Чаплин, и многое другое". Кусиков, его напарник по путешествию в Париж, с некоторой злобой говорил: "Так проехал Сергей по всей Европе и Америке, будто слепой, ничего не желая знать и видеть". Но и сам Сергей признавался Всеволоду Рождественскому: " Ты вот спрашиваешь, что делал я за границей? Что я там видел и чему удивился? Ничего я там не видел, кроме кабаков да улиц... А пил я потому, что тоска загрызла".

До конца своих дней сохранил в памяти Есенин разноцветные обложки американских журналов, с которых смотрели на читателя он сам и его Изадора. И подписи под снимками: «Айседора Дункан со своим молодым мужем», «Айседора Дункан со своим мужем, молодым большевистским поэтом" и так далее. Даже

Мариенгоф, завидовавший все-таки есенинской славе, возмущался и, ударяя кулаком по столу, называл всех этих журналистов мерзавцами.

Продавая душу дьяволу всегда лишаешься чего-то. "Гордое Я" привело Сергея в объятия Айседоры, оно заставило его поехать в Америку, оно прославляло его, превозносило, и в то же время оно заставляло забыть о "нежном Я". Но это "нежное Я" продолжает вмешиваться в его полет к славе, как бы ставя Сергею препоны на его пути к мировой известности. Есенин начинает тяготиться им, ненавидеть его, ненавидеть себя. "Нежное Я" становится жертвой идеализированного "гордого Я". Между ними разгорается борьба, и, по мнению психоаналитиков, – это самый мощный психологический конфликт в человеке. У Есенина он становится особенно сильным.

Следствием этого конфликта является презрение к себе, которое выражаются в довольно резких самообвинениях. Невротическое самообвинение Есенина выразилось в его психологической поэме "Черный человек". Это произведение поэт написал, находясь за границей, и два года не отдавал в печать. Первоначальный вариант поэмы был больше по объему и более трагичен. Когда Есенин читал его Максиму Горькому, тот плакал. Как никто другой этот мудрый человек понял противоречия, раздирающие молодого, гениального, но и больного от своей гениальности поэта.

Действие поэмы происходит глубокой ночью. "Нежное Я" Есенина, которое он подсознательно ненавидит, но которое одно способно оценить всю глубину ошибочности и ненужности поступков поэта, приходит к нему в образе "черного человека". "Черный человек" – это совесть поэта, это редко появляющееся осознание своей тяжелейшей зависимости от своих невротических долженствований и своей гордости. Как то сразу тяжело и надрывно звучат обращение Есенина к своему другу со словами страдания и жалости к себе.

Друг мой, Друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее в ночи
Маячить больше невмочь.

И в это время:

Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Неожиданным образом прорвавшись в квартиру, он читает Есенину "жизнь какого-то прохвоста и забулдыги, нагоняя на душу тоску и страх". С таким же страхом и ужасом уайльдовский Дориан Грей смотрел на свой портрет, который с каждым новым проступком становился все более безобразным и отталкивающим:

«Слушай, слушай, —
Бормочет он мне, —
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

.....

Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,

И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Счастье, — говорил он, —
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.
В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым —
Самое высшее в мире искусство».

"Черный человек" пытается показать Есенину всю ничтожность и пагубность его пути к славе. Он хочет вырвать Сергея из объятий его "гордого Я", обвиняя в том, что он, Есенин,

...жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.

"Обвинения себя во лжи и обмане, — пишет Карен Хорни, — являются наиболее частыми. Они не всегда имеют поводом что-то конкретное. Чаше невротик ощущает относительно себя общее неопределенное беспокойство — сомнения, которые ни с чем не связаны и временами не проявляются, а временами осознанно мучают". "Черный человек" со своими обвинениями лезет в душу Есенина, пытается его унижить и оскорбить. "Гордое Я" Сергея не хочет слушать правду:

Что мне до жизни
Скандального поэта.
Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».

И вроде бы ушел его ночной гость. За окном морозная ночь. Тишина. Деревья и степь покрыты снегом, и какая-то "зловещая птица" снова предвещает появление "черного человека". Он вновь приходит и начинает свой разговор. Самообвинения Есенина продолжают нарастать. "Черный человек" пытается "разоблачить его любовные чувства:

Что же нужно еще
Напоенному дремой мируку?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую,—
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Это самообвинение тоже не беспочвенно. Оно результат бессознательных самообманов: претензий на любовь, на искренность, на понимание его поэзии. И, наконец, последний, завершающий наскок. "Черный человек" затрагивает самые дорогие сердцу Сергея воспоминания детства, напоминая снова, что

Жил мальчик

В простой крестьянской семье,
Желтоволоосый,
С голубыми глазами...

Который, чуть повзрослев, назвал сорокалетнюю женщиной "своею милой".
Отношения с Айседорой не дают покоя Есенину. Это главный пункт его самообвинения. Он понимает правдивость слов своего гостя, но пытается избавиться и от них и от самого "черного человека".

«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

Гнев Есенина против "черного человека" – это гнев "гордого Я" за чувство его унижения и сдерживания на каждом шагу со стороны "нежного Я". Но борьба с "черным человеком" бесполезна, потому что это борьба с самим собой:

...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...

А вечером, после чтения этой исповеди, друзья поехали в какой-то богемный кабак на Никитской — не то в «Бродячую собаку», не то в «Странствующий энтузиаст».

"Есенин опьянел после первого стакана вина, – вспоминает Мариенгоф. – Тяжело и мрачно скандалил: кого-то ударил, матерщинил, бил посуду, ронял столы, рвал и расшвыривал червонцы. Смотрел на меня мутными невидящими глазами и не узнавал.... На извозчике на полпути к дому Есенин уронил мне на плечи голову, как не свою, как ненужную, как холодный костяной шар.

А в комнату на Богословском при помощи незнакомого человека я внес тяжелое, ломкое, непослушное тело. Из-под упавших мертвенно-землистых век сверкали закатившиеся белки. На губах слюна. Будто только что жадно и неряшливо ел пирожное и перепачкал рот сладким липким кремом... А щеки и лоб совершенно белые. Как лист ватмана. Вот день — первой встречи. Утро и ночь. Я вспомнил поэму о «Черном человеке». Стало страшно. Может быть, не попусту плакал над ней Горький".

На следующий день Есенин со своими чемоданами переехал к Мариенгофу, постоянно повторяя, что у него могут украсть его вещи, что кругом одни воры, проявлял какое-то навязчивое чувство страха. Несколько раз на дню проверял чемоданные запоры. Казался подозрительным, больным.

2. Жизнь – это утраченные иллюзии

После возвращения его видел в одной компании Всеволод Рождественский, отметивший, как разительно изменился Сергей за эти годы. "На нас глядело опухшее, – пишет Рождественский, – сильно припудренное лицо, глаза были мутноваты и грустны. Меня поразили тяжелые есенинские веки и две глубоко прорезанные складки около рта. Раньше этого не было.

Выражение горькой усталости не покидало Есенин на минуту, даже когда он смеялся или оживленно рассказывал что-нибудь о своих заграничных странствиях".

В пылу разговора Сергей вытащил из кармана свежую коробку папирос и попытался разрезать бандероль острием ногтя. Руки его настолько заметно дрожали, что кому-то из присутствующих пришлось прийти ему на помощь. Есенин говорил в тот вечер без конца. Он читал свои новые стихи, в которых ощущалась сильная трагическая нота. Все в них свидетельствовало о какой-то внутренней растерянности, о мучительном желании найти себя в новом и непривычном мире:

Пусть не сладились, пусть не сбылись

Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились -
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, -

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Оборвав чтение на полуслове, Сергей махнул рукой и свесил белесую голову.

— Нет,— сказал он трудным и усталым голосом.— Все это не то. И не так нужно говорить о том, что я здесь увидел. Какого черта шатался я по заграницам? Что мне там было делать? Россия! — произнес он протяжно и грустно.— Россия! Какое хорошее слово... И «роса», и «сила», и «синее» что-то. Эх! — ударил он вдруг кулаком по столу.— Неужели для меня все это уже поздно?

"Слезы перехватили ему горло, — пишет Рождественский, — и как-то по-детски — неловко и грузно — он упал всюю грудью на спинку стоявшего перед ним стула. Тело его сотрясалось от глухих, рвущихся наружу рыданий".

Однако причиной грусти и уныния в первые дни приезда в Россию объяснялись не только опротивевшей Есенину жизнью в качестве мужа Айседоры. Он хотел понять, помнит ли его российская публика, является ли он по-прежнему первым русским поэтом. Несмотря на то, что написал Есенин за полтора года путешествия немного, по популярности и по количеству изданий своих произведений он не мог равняться ни с одним своим современником. Сергей постоянно жаловался на то, что его не понимают и не принимают на Западе. Хотя в действительности, все было по-другому.

Бешеного успеха не было, но в Париже вышел сборник "Стихи скандалиста" на французском языке. В Берлине эмигрантские издательства, как мы видели, наперебой заключали с ним договора на издание его произведений. Абрам Ярмолинский, скорее

всего, только из нежелания сотрудничать с Есениным отказался переводить его стихи на английский. Есенин вернулся в Россию не только с некоторой обидой на якобы незначительные успехи в продвижении своей поэзии среди западного читателя. Он вернулся с надеждой на дальнейшее укрепление своего звания "первого поэта".

Каким-то внутренним чувством он понял, кто сможет дать ему возможность спокойно работать и издаваться. Только государство в лице большевиков и в особенности его главных представителей, в частности, начинающего приобретать влияние Льва Троцкого. Может с подсказки Якова Блюмкина, своего то ли секретаря, то ли телохранителя, Троцкий решил встретиться с Есениным.

Об этой встрече писали по-разному, но главное в том, что она состоялась и принесла видимое удовлетворение обоим. Лев Давидович приласкал строптивного поэта-скандалиста, надеясь на его поддержку в своей политической борьбе, а Есенин получил добро своим идеям насчет издания журнала с гордым именем "Россиянин". Есенин испытал на себе влияние незаурядной личности главного теоретика "мировой революции". При беседах с Наркомвоенмором Сергей успокаивался, становился менее тревожным, говорил о себе как о поэте национальном, как о "государственном имуществе". Мариенгоф рассказывает, что когда Блюмкин предложил встретиться с Львом Давидовичем, "счастливый Есенин побежал мыть голову, что всегда делал, когда хотел выглядеть покрасивей и попоэтичней".

Отношение Есенина к Троцкому изменилось. Если за границей он довольно резко отзывался о нем, правда, в завуалированной форме, беря его прототипом Чекистова в поэме "Страна негодяев", то теперь, почувствовав, что от одного из руководителей большевиков зависит его будущность как поэта, Есенин переменял свое мнение. Причем сделал он это вполне искренне. В личности Троцкого он увидел мощного политика, ведущего Россию к новым отношениям, правда, путем уничтожения крестьянской деревни и крестьянской идеологии. "Идеальным, законченным типом человека, – пишет В. Наседкин, – Есенин считал Троцкого".

"Мне нравится гений этого человека", – воодушевленно говорил поэт.

После встречи с Троцким Есенин написал короткое письмо жене: "Дорогая Изадора! Я очень занят книжными делами, приехать не могу. Часто вспоминаю тебя со всей моей благодарностью тебе.

С Пречистенки я съехал сперва к Колобову, сейчас переезжаю на другую квартиру, которую покупаем вместе с Мариенгофом.

Дела мои блестящи. Очень многого не ожидал.

Был у Троцкого. Он отнесся ко мне изумительно. Благодаря его помощи мне дают сейчас большие средства на издательство.

Желаю успеха и здоровья и поменьше пить".

Растерянность первых дней вдруг сменилась оптимизмом. Видимо, что-то вдохновило Сергея на новые планы. 14 августа Есенин, по словам И. Грузинова, "в один присест написал статью об Америке для «Известий». В "Железном Миргороде" поэт был откровенен: "Вспомнил про «дым отечества», про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за «Русь», как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию. Милостивые государи!

С того дня я еще больше влюбился в коммунистическое строительство. Пусть я не близок коммунистам, как романтик в моих поэмах, – я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, близок и в своем творчестве".

Есенин делает небольшой реверанс новой власти. Он ждет от нее если не признания, то хотя бы помощи. Вернувшись из-за границы, Есенин почувствовал, что поэтический мир России стал забывать поэта. Есенин привез из своего путешествия всего несколько стихотворений, объединенных одним общим сюжетом, в которых он излил свою душу, свои переживания и беспокоящие его конфликты. Но этого мало. Слава – штука требовательная. Ей нужны постоянные жертвы, иначе забвение, игра на вторых ролях. Этого положения поэт вынести не мог, хотя и был горд от своей известности "скандалиста":

И известность моя не хуже, –

От Москвы по парижскую рвань

Мое имя наводит ужас,

Как заборная, громкая брань.

3. Я — лучший поэт России! Все остальные – говно!

Как только Сергей приехал из-за границы,

всполошились различные «импресарио» — любители заработать на «полном сборе». Они сообразили, что имя Есенина, да еще долго не выступавшего, да еще «приехавшего из Америки», соберет полный зал. Началась охота за поэтом. В кафе «Стойло Пегаса», куда Есенин иногда заходил, толпились различные устроители вечеров.

Наконец, 24 августа 1923 года все в том же Политехническом музее состоялся вечер Сергея Есенина. Публика встретила появление своего кумира бурной овацией.

После первых, как всегда, корявых слов, Есенин начал, теперь уже без всякого

Сергей Есенин. 1923 год.

волнения, читать стихи громко, уверенно, со своим всегдашним мастерством.

Так бывало и прежде. Становилось понятно, что в чтении у него нет соперника. "Публика долго не расходилась, – пишет Ивнев, – и требовала от Есенина

все новых и новых стихов. И он читал, пока не охрип. Тогда он провел рукой по горлу, сопровождая этот жест улыбкой, которая заставила угомониться публику. Так закончился этот памятный вечер".

Желание не только быть первым поэтом, но и руководить русской поэзией постоянно возбуждало эмоции Сергея. Он мечтал восстановить творческое содружество всех "мужиковствующих" поэтов, в которое входили бы Клюев, Орешин, Клычков, Ширяевец, а во главе, конечно же, он сам, "богоподобный" пророк Сергей Есенин. "Я занимаюсь просмотром новейшей литературы, – гордо говорит Есенин Грузинову. – Нужно быть в курсе современной

"мужиковствующие" поэты: Клычков,
Орешин, Клюев.

литературы. Хочу организовать журнал.

Буду издавать журнал. Буду работать, как

Некрасов".

Матвей Ройзман отмечает, что Есенин хотел "верховодить" в создаваемой им литературной группе. Все привезенные стихи Сергей намеревается теперь печатать в своем журнале. В сущности, Есенин давно перерос не только имажинистов, – но и многих, многих других поэтов! «Его стихи можно было узнать не только по одной строчке, – отмечал Ройзман, – но и по одному свойственному его поэзии слову. В глазах современников Есенин стал великим поэтом. Потому он все более отдаляется от имажинистов и, незаметно для него самого, начинается личное охлаждение к другу, которого Есенин обожал столько лет». А ведь его любовь к Анатолию постоянно прослеживалась в письмах из-за границы. Сергей часто писал ему ласковые, почти

любовные письма.

"Милый мой Толенок! Милый мой, самый близкий, родной и хороший".

"Дура моя — ягодка! Ты тоже сволочь из сволочей. Как тебе не стыдно, собаке, — залезть под юбку и забыть самого лучшего твоего друга. Мартын — это одно, а я другое. Дюжину писем я изволил отправить к Вашей сволочности, и Ваша сволочность ни гу-гу..."

"Милый Толя, если б ты знал, как вообще грустно, то не думал бы, что я забыл тебя, и не сомневался, как в письме к Ветлугину, в моей любви к тебе..."

Много было причин для недовольства Есенина. Особенно личного характера, связанные с его имажинистскими делами. Есенин вместе с Мариенгофом, Шершеневичем, Ройзманом, Айзенштадтом и другими был пайщиком и совладельцем издательства, поэтического кафе и книжного магазина. Во время отсутствия Есенина в условиях нэпа эти предприятия оказались в условиях конкуренции. Большевицкая поддержка, которую получали имажинисты в годы "военного коммунизма", пошла на убыль. Приходилось самостоятельно бороться за клиентов и прибыли. Галина Бениславская пишет в своих "Воспоминаниях":

"Когда Сергей Александрович был за границей, денежные дела у Мариенгофа были очень плохи. "Стойло" закрылось, магазин ничего не давал и Мариенгоф с Мартышкой [Анной Никритиной, женой], ждавшей тогда ребенка, форменным образом голодали. Я это знаю от лиц, живших в одной квартире с ними". Правда это или нет, но Катя, не знавшая нужды при Есенине, часто получала отказ от Мариенгофа в ее просьбе денег, а потом жаловалась на это в письмах к брату.

Но по приезде Есенин увидел, что книжный магазин был продан Сахарову за бесценок, что Мариенгоф привык чувствовать себя полным хозяином и распорядителем их собственности. Постепенно он отстранил Есенина от участия в управлении и кафе, и "Ассоциации вольнодумцев", и издательством. Трудно сказать, была ли правда в том, что коммерческая деятельность Мариенгофа была неудачной. Может быть Мариенгоф оказался неважным администратором, может публика в отсутствие Есенина стала обходить "Стойло", предпочитая другие кафе и рестораны, а может хитрый Анатолий решил создать видимость ухудшения дел и присвоить часть есенинских доходов. Во всяком случае "Есенин, — вспоминает Матвей Ройзман, — вызвал Мариенгофа на откровенное объяснение по поводу расчетов с его сестрой Катей, и они так поссорились, что перестали разговаривать друг с другом".

Может поводом к ссоре и была Катя, привыкшая к постоянным деньгам для обеспечения себя красивой одеждой и французской парфюмерией, но гордость Есенина была задета не этим. Сергей чувствовал потерю первенства среди имажинистов, которые на протяжении многих лет не претендовали на лидерство, признавая авторитет Есенина. Теперь ситуация изменилась. Долгое отсутствие Сергея привело к потерям каких-то связей с друзьями, с публикой, с литературными критиками. Есенин ищет новые контакты, пытается возглавить ленинградский «Орден воинствующих имажинистов»: знакомясь с молодыми поэтами В. Ричиотти, Г. Шмерельсоном, В. Эрлихом. С ними была отправлена рукопись «Москвы кабацкой» заведующему Ленинградским отделением Госиздата П. И. Попову. Есенину кажется, что он потерял в Москве былую славу, что у него появилось много конкурентов и отношение к нему уже не как в прошлом. Мысль о полном главенстве в русской литературе не покидает Есенина. Причем любое поползновение имажинистов на самостоятельность и даже совсем невинные их поступки вызывают у Есенина сильнейшее раздражение.

Постепенно отходя от имажинизма, Есенин знакомится с коммунистом Воронским, редактором толстого госиздатовского журнала "Красная новь". "Он то и дело улыбался, – вспоминал Воронской их первую встречу. – Улыбка его была мягкая, блуждающая, неопределенная, рассеянная, «лунная»". Однако Сергей твердо заявил:

— Будем работать и дружить. Но имейте в виду, я знаю — вы коммунист. Я — тоже за Советскую власть, но я люблю Русь. Я — по-своему. *Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду. Это не выйдет*".

Воронский отметил ту особенность Сергея, которая помогала поэту постепенно находить нужные связи и правильно выбирать наиболее правильный путь к славе. "Есенин был дальновиден и умен. Он никогда не был таким наивным ни в вопросах политической борьбы, ни в вопросах художественной жизни, каким он представлялся иным простакам. Он умел ориентироваться, схватывать нужное, он умел обобщать и делать выводы. И он был сметлив и смотрел гораздо дальше других своих поэтических сверстников. Он взвешивал и рассчитывал. Он легко добился успеха и признания не только благодаря своему мощному таланту, но и благодаря своему уму".

Осенью 1923 года Есенин, видя себя главой нового направления в российской поэзии, решил обзавестись собственными учениками. Однажды он появился в «Стойле» с восемнадцатилетним поэтом, студентом Литературного института, Иваном Приблудным (Яковом Овчаренко). Он опекал Приблудного как родного сына, покупал

ему одежду, обувь, давал деньги на питание, подсказывал ему эпитеты, рифмы, строчки. Однако Сергею не повезло. Он думал, что Приблудный будет бесконечно благодарен ему и станет постоянно смотреть в рот своему учителю. Однако молодой поэт возомнил из себя большого мастера. Однажды в «Стойле» Приблудный сказал Есенину:

— Годика через два, Сергей Александрович, дам вам фору в стихах и все равно обгоню вас...

"Я увидел, – вспоминает Ройзман, – как в глазах Есенина сверкнули синие молнии: каково это слышать великому поэту от начинающего, да еще пестуемого им самим? Я понял, что скандал неминуем..."

Продолжались долгие споры с Сергеем Клычковым по поводу издания альманаха "Россияне". Есенин хотел быть единоличным редактором, на что Клычков не соглашался. Чтобы объединить всех крестьянских поэтов под своим руководством, Есенин привез из Петрограда Клюева, который жаловался Сергею на свою голодную жизнь, но по словам Ройзмана, "явно не хотел видеть его во главе новой группы". Бениславская отметила неприятный облик "олонецкого дьячка". "Отвратительным оказался он. Ханжество, жадность, зависть, подлость, обжорство, животное себялюбие и обусловленные всем этим: лицемерие и хитрость — вот нравственный облик, вот сущность этого когда-то крупного поэта». Клюев бесплатно столовался в «Стойле», обедал хозяек квартиры, которые жили в условиях строгой экономии. Есенин знал о ревности, которую проявлял Клюев к его славе первого поэта, но всё равно за свой счет доставил его в Москву. Несмотря на усилия Сергея, никто не хотел принимать лидерство Есенина, особенно Клюев, прекрасно помнящий те годы, когда он собирал вокруг себя крестьянских поэтов: Клычкова, Орешина, Есенина, Ганина.

Контакта со своими новыми напарниками Есенин так и не нашел, а сам Клюев, обедавший и опивавший Есенина писал презрительно Николаю Архипову: «Я живу в непробудном кабаке. Пьяная Есенинская свалка длится днями и ночами. Вино льется рекой, и люди кругом бескрестные, злые и неоправданные. Не знаю, когда я вырвусь из этого ужаса...». Клюев вырвался из Москвы, хотя никто его и не держал, увозя с собой сапоги, сшитые на деньги Есенина.

С журналом ничего не вышло, с имажинистами Сергей рассорился. Слава поэтического лидера постоянно терзала его. Есенин стал часто напиваться. "Недели через две я принимал участие в одной писательской вечеринке, – вспоминает

Воронской, – когда появился Есенин. Он пришел, окруженный ватагой молодых поэтов и случайно приставших к нему людей. Он был пьян, и первое, что от него услышали, была ругань последними, отборными словами. Он задирал, буянил, через несколько минут с кем-то подрался, кричал, что он — лучший в России поэт, что все остальные — бездарности и тупицы, что ему нет цены. Он был несносен, и трудно становилось терпеть, что он делал и говорил. Он оскорблял первых подвернувшихся под руку, кривлялся, передразнивал, бил посуду".

Невроз "поиска славы" стал проявляться открыто в Есенине не только в пьяном виде. Стремление к первенству привели к тому, что поэт стал просто до болезненности чутко и подозрительно относиться к окружающим его людям. "Проявленное к нему равнодушие или пренебрежение, – писала С. Виноградская, – словно пришибало его. Он бывал тогда похож на обиженного ребенка, который не хочет сознаться в том, что его обидели...

«Я — Есенин!»

«Кто? Я? Есенин? Кому? Мне — Есенину? Скажите им, что я — Есенин — плюю на них. Угощаю сегодня я — Сергей Есенин; плачу я — Сергей Есенин. Мне — Есенину — с вами разговаривать не пристало. Я — Есенин, а вы кто? Вы — ничего, нни-че-го!» — вот лексикон Есенина при встречах, знакомствах, столкновениях".

4. Болезненная любовь к Августе Миклашевской

Любовь к Дункан, которая полностью определялась гордостью поэта и желанием славы, принесла ему много эмоциональных ран, сломила его психику. Есенин был полтора года любимым, а Дункан любящей. Сергей подставлял щеку, а она целовала. Теперь Есенину нужен был человек, который понял бы его, приласкал, помог уменьшить его "базальную" тревожность, создал атмосферу любви и нежности, к которой Сергей так всегда стремился. Конфликты последнего времени слишком сильно воздействовали на его ранимый шизоидный характер. Столкновения с внешним миром Есенин переживает крайне тяжело и находится на грани срыва. Он сам подсознательно озабочен своей эмоциональной вялостью. Его чувства остаются бездеятельными, молчащими, пока он сам не среагирует на чужое дружелюбие или враждебность. После общения с Дункан, женщины еще больше стали для Есенина лишь средством удовлетворения сексуального желания.

Встречаясь с ними в "Стойле", Сергей потом говорил о них с отвращением и презрением своим собутыльникам. "Ничего тут, конечно, рыцарского не было, – писал Борисов-Шерн, – честь их он не щадил, да и не скрывал он этого от женщин...

Помню, летом в 1923 г. я встретил его на Тверской в обществе элегантной дамы. Знакомя меня, он сказал:

— Я ее крыл...

Дама, красная, как помидор, крутила зонтик... Чтобы выйти из замешательства, я начал говорить о каких-то делах...

Сергей бесцеремонно подал даме руку, поцеловал и сказал:

— Ну, до свидания... Завтра приходите.

Когда дама ушла, я начал ему выговаривать.

— А ну их к черту, — ответил так, или еще резче, Сергей, — после них я так себя пусто чувствую, гадко..."

Подобно хорошему актёру, Есенин всегда играет в жизни какую-то роль, не осознавая того, что производит чувства, которые уходят вместе с ролями. И вот сейчас, после приезда, он демонстративно бравирует своими мужскими достоинствами, показывает презрение к женщинам, научившись этому за полтора года бурной жизни с Айседорой. Его бодрость, кажущаяся вечная молодость вырастают из этого источника, как и его очаровательный шарм.

Вот почему после тягостной любви к Дункан, после всех женщин, которые вешаются ему на шею, Сергею захотелось какой-то особенной, чистой, неземной любви. Такую любовь он нашел (вернее, создал искусственно в своем сознании) в Августе Миклашевской. Состояние Есенина после возвращения в Россию вызывало крайнее опасение у его друзей. Он постоянно напивается, несет полнейшую чепуху, выражая мучившие его подсознательные настоящие или выдуманные проблемы. То вспоминает, что Клюев и Орешин говорили, что Сергей, мол, разжился от богатой старухи, что кто-то роется в его чемоданах с одеждой, привезенной из-за границы, и ворует ее. Хотя Есенин часто сам в пьяном виде раздавал ее своим напарникам по гульбе. Анна Никритина как-то ужаснулась:

— Сережа сошел с ума!

И решила познакомить его со своей подругой Августой Миклашевской, тоже актрисой Камерного театра. Они как-то вдвоем встретили поэта на Тверской. Есенин шел быстро, бледный, сосредоточенный. Сначала Сергей почти не взглянул на

Миклашевскую, были заботы поважнее – намечалась встреча с Троцким. Но затем в один из вечеров они встретились у Мариенгофа. Читали стихи о любви и Есенин обиженно сказал:

— А у меня стихов про любовь нету. Все про кобыл да про телят. А про любовь —хоть шаром покати.

— Зачем же дело стало? – говорит Мариенгоф.

— Для этого ж влюбиться надо. Да вот не знаю, в кого.

И вот вскоре Анна Никритина вернулась к обеду вместе со своей приятельницей Миклашевской, или как называли ее друзья Гутей. Миклашевская считалась первой красавицей Камерного театра, с прекрасной, статной фигурой, напоминающей античные статуи, и восхитительными руками. Ее прекрасные, густые волосы, цвета воробьиного крыла восхищали многих мужчин. Современники сравнивали ее с молодой Айседорой. Играла Миклашевская во многих спектаклях, но прославилась она, сыграв роль принцессы Брамбиллы в одноименной пьесе Гофмана.

Они часто встречались и долго бродили по Москве. "Он был счастлив, – вспоминает Миклашевская, – что вернулся домой, в Россию. Радовался всему как ребенок. Трогал руками дома, деревья. Уверял, что все, даже небо и луна, у нас другие, чем там. Рассказывал, как ему трудно было за границей. И вот он «все-таки удрал!» «Он в Москве!" В компании имажинистов Августа, раскрасневшись, смотрела, влюбленная, на Сергея. А его, еще трезвые, глаза, светились голубизной нежности и любви.

"Мы радовались, – вспоминает Ройзман, – что Есенин наконец успокоится и начнет писать стихи, посвященные празднику своего сердца".

Августа Миклашевская

Есенин и Миклашевская встречались в кафе поэтов на Тверской. Сидели вдвоем. Тихо разговаривали. Трезвый Есенин был даже несколько застенчив. Рядом с Миклашевской исчезала вся его грубость с женщинами, презрительное к ним отношение сменялось на восхищенное благоговение. Он часами сидел смиренно возле своего нового кумира. Комната Гути была похожа на рощу из астр и хризантем, которые ей постоянно приносил Сергей. Придя первый раз к Миклашевской, он был просто неузнаваем. Она сидела в кресле, а Есенин

разместился у ее ног на ковре, гладил ее руки и говорил одни и те же слова: «Красивая, красивая». Что неестественное было в этом постоянном любовании. Как-то сидели Есенин и Миклашевская в отдельном кабинете ресторана «Медведь» с Мариенгофом и Никритиной. Миклашевская отошла позвонить по телефону. Есенин вошел с ней будку и обнял за плечи. Актриса ничего не сказала, только повела плечами, освобождаясь из его рук. После Сергей сидел тихий и задумчивый. «Я буду писать вам стихи. Мариенгоф засмеялся: «Такие же, как Дункан?». – «Нет, ей я буду писать нежные..»

Неожиданная страсть к Миклашевской была вызвана чувствами, близкими к тем, какие возбудили в Сергее романтическую любовь к Маше Бальзамовой. Для Есенина, познавшего на себе капризную и в некотором роде патологическую страсть стареющей босоножки, необходимо было снова полюбить самому. Эта новая романтическая любовь должна положить конец его горестям, одиночеству, ощущению чувства вины, потерянности и собственной недостойности. В своем новом чувстве Сергей хотел получить душевную безопасность и комфорт, отсутствие борьбы с грубым внешним миром, в котором он чувствовал себя безнадежно неприспособленным. Любовь к Миклашевской обещала защиту, поддержку, нежность, поощрение, сочувствие, понимание. Она могла дать Сергею ощущение собственной ценности и смысл жизни. Она могла стать для него спасением и искуплением.

Романтика юности вернулась, казалось бы, в есенинское сердце. Ощущение единства с любимой, погружение в экстатическое чувство слияния с другим существом – все это волнует Есенина и он загорается страстным желанием какого-то мистического единства. Есенин готов забыть свою прошлую жизнь, полностью измениться, проявляя страстное желание капитулировать, утрачивая себя в восторженном восхищении природой, в предании себя чувству вины, в жажде забыться в необыкновенном наслаждении прекрасной и божественной женщиной:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Был я весь – как запущенный сад,
Был на женщин и зелие падкий.

Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без оглядки.

Мне бы только смотреть на тебя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.

Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упорным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.

Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Целый месяц Есенин и Миклашевская встречались почти ежедневно. Иногда Есенин заезжал ко Миклашевской на извозчике с непременно букетом белых астр. Был август... ранняя золотая осень... Под ногами сухие желтые листья. Как по ковру бродили они по дорожкам и лугам. И в эти моменты Сергей казался глубоко счастливым, что вернулся на родину.

— Я с вами как гимназист, — тихо, с удивлением говорил он и улыбался.

Стихи, посвященные Миклашевской, в которых Есенин как бы каялся и плакался о своей непутевой жизни были напечатаны в журнале «Красная нива». Есенин позвонил Миклашевской и ждал с журналом в кафе. Она немного опоздала, и в этот лишний час ожидания Сергей снова напился, устроив очередной скандал. Катя и Августа увезли

Сергея домой и уложили в постель. Есенин заснул, "а я, — вспоминает Миклашевская, — сидела возле него. Вошедший Мариенгоф убеждал меня: «Эх вы, гимназистка, вообразили, что сможете его переделать! От вас он все равно побежит к проститутке».

К проституткам Есенин, конечно, не побежал. Мариенгоф слишком уж озлился на своего бывшего друга. Сергей патологически боялся заразиться сифилисом, поэтому никаких сексуальных связей со жрицами уличной любви он не имел. Но холодность Миклашевской, ее несколько искусственное, хотя и теплое отношение к Есенину, известному поэту, не оттолкнуло Сергея от встреч со своими давнишними любовницами. Ведь по приезде Есенина много сердец радостно забилося. И Надя Вольпин, и Галя Бениславская, так долго ожидавшие своего кумира, наконец-то обрели возможность увидеться с ним. Конечно, такие "недотроги" как Надежда Вольпин, делают вид, что обижены на Сергея, дают себе зарок - не возобновлять мучительную связь. Однако это все женские отговорки, оправдание своего желания занять в его сердце постоянное место. Около двадцатого августа Надя Вольпин приезжает в Москву, и вот снова долгожданная встреча с Есениным. Обрадованный Сергей потащил девушку обедать в «Стойло Пегаса». Пригласили Мариенгофа с женой.

— А вы располнели, — бросает Мариенгоф.

— Вот и хорошо: мне мягче будет, — усмехнулся Есенин, с вызовом поглядывая на Никритину. И по-хозяйски обнимает Надю вокруг пояса. А все вокруг только и говорят о новой есенинской связи. За столом постоянно слышны голоса:

— Говорят, на редкость хороша!

— Не упустите, Сергей Александрович, если женщина видная, она всегда капризна. А уж эта очень, говорят, интересная.

Сергей, поморщившись, и несколько грубовато говорит:

— Только не в спальне!

Снова чей-то подобострастный голосок:

— На что они вам, записные красавицы? Ведь вот рядом с вами девушка — уж куда милей: прямо персик!

А Сергей в ответ — с нежностью и сожалением:

— Этот персик я раздавил!

А дальше Есенин и вовсе разоткровенничался, хоть пьяным не был. Считая себя правым во всем и в словах и в действиях, он фатовато говорит:

— Вот лишил девушку невинности и не могу изжить нежности к ней.

"Я уже и обижаться перестала, – думает про себя Надя, – знаю: сейчас он ведет разговор не с этими полуслучайными «друзьями» — *с самим собой*".

Несмотря на хвастливость Сергея и полное пренебрежение им женскими чувствами, Надя остается с Есениным. Чем-то притягивает ее немного поблекший, усталый и более циничный, чем ранее, поэт. Когда вечер закончился, они вышли на улицу. Медленно прогуливаясь, по традиции посидели у Пушкина. Потом — чтоб окончательно протрезвиться — выпили крепкого черного кофе в каком-то маленьком кафе. И вот Есенин с Надей в просторной, но неуютной, необжитой комнате. Несмотря на столь гордые слова все Надеждины зареки оказались напрасны! Когда утром они прощались, под Надиным сердцем забились новая жизнь. Она забеременела, хотя пока не догадывалась об этом. А может и знала, что так будет. Несмотря на чисто женскую страсть к Сергею, она прекрасно понимала его характер и одна из немногих правильно определила невротическую склонность поэта к самолюбванию.

"Я так и не научилась ревновать любимого к женщинам, – признавалась Надя Вольпин, – и по-прежнему видеть не могу его самолюбование перед зеркалом. В моих глазах он «безлюбой Нарцисс». И я подозревала: он знает это сам, и это его гнетет".

И действительно, недолго длилась идиллия Есенина и Миклашевской. Есенин пил, скандалил, занимался своими литературными делами. Миклашевской также приходилось тратить много времени, чтобы заработать на жизнь своего семейства: она развелась с мужем и одна воспитывала сына. О ее затруднениях Есенин ничего не знал, а актриса между тем зарабатывала редкими концертами, случайными спектаклями. Они продолжали встречаться, но уже не каждый день, хотя "поэт, – по воспоминаниям Миклашевской, – ужасно ревновал меня ко всем, кто приходил ко мне".

Пусть ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

С Есениным Миклашевская все чаще встречалась в кафе. «Он умел быть таким нежным, таким внимательным! – вспоминает Борисов-Шерн. – Часами он просиживал подле М(иклашевской), говорил нежные слова и тут же обращался к тем, с кем он сидел:

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,
Так много сделано ошибок.

Каждое новое стихотворение, посвященное ей, Сергей тихо читал, глядя ласковыми, чистыми, а иногда мутными глазами. Сколько раз он появлялся в нетрезвом виде, и Миклашевская страшно переживала из-за этого. Один раз в компании Никритиной и Мариенгофа ждала Есенина. Вдруг появился Сергей, прошел прямо в середину кафе. Бледный, глаза тусклые. Долго всех оглядывал. "Может, и не увидел нас, – вспоминает Миклашевская, – а может, и увидел. В кафе стало тихо. Все ждали, что будет. Он чуть улыбнулся и сказал: «А скандалить пойдем к Маяковскому...» И ушел.

Пьяный вваливался в кафе "Не рыдай", садился рядом с Августой, которая там выступала, умиленно на нее поглядывал, и говорил своим друзьям тихо и восторженно:

— Моя любва.

"Любва" Есенина, с которой вернувшийся из-за границы поэт проводил почти все дни, интересовала многих. Вечный соперник Сергея на поэтическом Олимпе тех лет, Маяковский, сам большой жуир, обхаживающий кроме Лили Брик молоденьких художниц, решил посмотреть на избранницу Есенина. Сделав вид, что он пришел в гости к режиссеру Форейгеру, Маяковский заглянул в комнату Августы якобы позвонить по телефону.

«Вы - Миклашевская? – спросил он.

– «Я, – ответила удивленная актриса.

– «Встаньте, я хочу посмотреть на вас».

"Он сказал это так просто, серьезно, – вспоминает Миклашевская, – что я спокойно встала".

– Да... — многозначительно сказал Маяковский. Для вида поговорил немного о театре и, так и не дотронувшись до телефона, ушел.

Сергей не мог поначалу оторваться от красивой и милой женщины, которую его капризное и гордое «Я» избрало для любования собой как романтически и искренне влюбленным человеком и которая должна выполнить свою определенную миссию –

спасти его от душевного конфликта:

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу.

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых -
Все явилось, как спасенье
Беспокойного повесы.

Однако в сексуальном плане Миклашевская не могла удовлетворить Есенина в отличие от страстной и мазохистски преданной Дункан. Сергей продолжал встречаться и с Надей Вольпин, и с другими женщинами. В сентябре 1923 года в Москве появилась Лидия Кашина, и Есенин не мог устоять от встречи с гордой "помещицей". Но отношения их так не могли наладиться. Как-то встретились они в кафе. Почти сорокалетняя Кашина еще довольно хороша. Тускло-русые волосы приспущены на лоб и уши. Лицо чуть скуластое, волевое, решительный взгляд. Нос с горбинкой, не восточный, а чисто славянский. Кашина была чем-то недовольна, настаивала, требовала. Есенин со скучающим видом отстраняет ее, как бы порывая со своим прошлым, уверенно и непреложно.

Миклашевская, скорее всего, явилась той отдушиной, через которую поэт хотел выразить желания своего "нежного Я". В который раз поэт прощается со своим хулиганством, кляня свою жизнь, и надеясь, что возвышенная любовь наконец-то возродит его настоящие чувства и желания подлинно человеческих чувств.

В любви к Миклашевской Есенин хочет видеть спасение от пьянства среди окружающих его прихлебателей, которые дружно возносят хвалы "первому" поэту России. Этим искусственным долгим сидением около доброй, но не любящей его женщины, Сергей пытается разрушить свой богемный образ скандалиста и пьяницы, вернуться к настоящим своим желаниям, к спокойной жизни патриархально-фантастического ушедшего мира на фоне дорогих его сердцу деревенских пейзажей. И в то же время он понимает, что все это несбыточные мечты о некоей возвышенной и

успокаивающей любви, в объятиях которой он забудет свои невротические потребности, которые привели его к тяжелому конфликту с самим собой. Снова и снова Есенин вспоминает свой путь к славе и свой идеализированный образ скандалиста, обуреваемый презрением к самому себе и постоянной печалью о недоступном ему мире спонтанных чувств и серьезного отношения к жизни:

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет,
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый скелет.

Было время, когда из предместья
Я мечтал по-мальчишески - в дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.

В цикле стихов "Любовь хулигана", посвященных Миклашевской, Есенин как бы заново переживал свою жизнь. Это была, в некотором роде, его исповедь, его желание покаяться, освободить душу от наболевшего. Есенин считал, что весь цикл стихотворений "Любовь хулигана" он посвятил скорее не Миклашевской, а "женщине вообще. Поэт — к русской женщине". Просто женщине Есенин исповедался, плакался в жилетку. Просто у женщины он искал защиты от своих страхов и беспокойства, от своего болезненного пьянства, которое Есенин осознавал и понимал его истинные причины. Однако Миклашевская не смогла, да и не хотела спасти Есенина. В один из свободных вечеров она встретила с Сергеем в кафе. Есенин был трезвый, веселый. Через несколько минут Есенин принес огромный букет цветов, молча положил его на колени Миклашевской, приподнял шляпу и ушел. "Мне хотелось встать и пойти за ним, — писала Миклашевская, — все равно куда Я передержала какую-то минуту, другую и поняла, что опять что-то сломала в себе". Другой раз она призналась: "Я понимала, что переделявать его не нужно. Просто нужно помочь ему быть самим собой. Я не могла этого сделать". Есенин тоже это понял. Ему нужна была помощь и поддержка, и эту заботу о себе, о снятии с себя ответственности за свои неудачи и непутевую жизнь, он нашел у Гали Бениславской, которая непрерывно ждала Сергея с момента его встречи с

Айседорой Дункан.

5. Любовница, спасительница, нянька

"После возвращения Есенина из Америки, – писал Мариенгоф, – Галя стала для него самым близким человеком: возлюбленной, другом, нянькой...Я, пожалуй, не встречал в жизни большего, чем у Гали, самопожертвования, большей преданности, небрежливости и, конечно, любви. Она отдала Есенину всю себя, ничего для себя не требуя. И уж если говорить правду — не получая".

Галина Бениславская

У этой хорошенькой, глазастой девушки было огромное сердце. Ее любовь к Есенину поражала всех. "Красоте этой женщины завидовали многие москвичи, – писал Родион Березов. – Жгучая брюнетка, с густо сросшимися бровями и двумя косами почти до пят, стройная, с бархатистым голосом и большими печальными глазами, всегда одетая со вкусом — эта полька была ненавидима многими собутыльниками Есенина за то, что всеми мерами боролась с их растлевающим влиянием на поэта".

Когда в январе 1922 года, когда Есенин практически переехал к Дункан, Галя, изнывая от ревности, писала: "если любишь так по-настоящему — нельзя быть спокойной, когда любимый видит, чувствует другую. Иначе значит — мало любишь". И дальше Галя признается, что несмотря на измену Есенина с Айседорой, она будет его любить, будет "кроткой и преданной, несмотря ни на какие страдания и унижения".

Характер любви Бениславской к Есенину в чем-то сходен с мазохистской страстью Айседоры. Так же как и для Дункан, Сергей становится для Гали единственным центром ее существования. Она не строит никаких своих планов, ее мысли сосредоточены на понимании или помощи ему. "Так я никого не буду любить, – пишет Бениславская, – всем существом, ничего не оставив для себя, а все отдавая. И никогда не пожалею, что так было, хотя чаще было больно, чем хорошо, но «радость — страданье одно», и все же было хорошо, было счастье".

Ни Надя Вольпин, ни Женя Лившиц, ни другие есенинские женщины так не волновали Галю, как Айседора. Ее страшно тревожит мысль, что Сергей "любит эту старуху, и что здесь не на что надеяться. И то, что едет с ней". И все те месяцы, когда Сергей неожиданно бросил ее ради Дункан и мировой славы, Галя продолжала ждать своего принца, спрашивая у друзей, когда он вернется, считая дни до его приезда, изливая свои чувства в потаенном "Дневнике".

7.V.22 "Завтра уезжает с нею... А я все пути потеряла — беречь и хранить ли себя, помня его, его одного? Или — дать себя захватить другому течению — страшно, это безумие".

22.V. "Уехал. Вернее, улетел с А(йседорой)... Страшно писать об этом, но это так: смерть Е. была бы легче для меня — я была бы вольна в своих действиях. Я не знала бы этого мучения жить, когда есть только воля к смерти".

А когда Есенин уехал, Бениславская заболела — неврастения в острой форме. Все ее последующие дневниковые записи передают болезненные и сумбурные переживания от неудавшейся любви.

3.VI "Думала опять о нем. Не отогнать мыслей. Вспомнила, что все была «игра».

16. VII «Она вернется?» — «Через год, сейчас в Бельгии, детей на год везут за границу!» — так ответили по телефону студии Дункан. Значит, и он тоже. А год — иногда длиннее жизни. Как же ждать, когда внутри такая страшная засуха? Что же делать?..".

14.X—15.X. "Боже мой, до него, до всего этого я никогда, несмотря ни на что, никогда не знала, что такое одиночество. А как хорошо я знаю это теперь".

16.X. "Как он мне дорог. Опять и опять чувствую это. И дорого все, что дорого ему".

И вот дорогой ее сердцу человек вернулся. Вернулся совсем другим. "В модном костюме, — вспоминает соседка Бениславской по квартире Аня Назарова, — о фасоне которого он с увлечением нам рассказывал, с шампанским, он каким-то диссонансом ворвался к нам, в нашу неуютную, плохо обставленную комнатушку, к нашим потертым платьям". Галя как бы снова возвратилась к жизни и приняла твердое решение бороться за Сергея. У неё было много соперниц: Дункан, Миклашевская, Вольпин; и сколько еще других женщин стремились стать есенинской дамой сердца.

«После заграницы Сергей Александрович почувствовал в моем отношении к нему что-то такое, чего не было в отношении к нему друзей, – писала Бениславская, – что для меня есть ценности выше моего собственного благополучия. Носился он со мной тогда и представлял меня не иначе как: «Вот познакомьтесь — это большой человек». Или: «Она — настоящая» и т. п.". Галя не только стала любовницей Есенина, она стала, прежде всего, его другом и нянькой. Она заботилась о его издательских делах, каждый раз пыталась вырвать из рук пьянствующей братии, которая постоянно окружала Сергея.

Екатерина Есенина вспоминала: «Некоторые из гостей Сергея, узнав, что Галя только друг его, решили ухаживать за ней и подчас довольно назойливо. Сергей заметил и, чтобы прекратить волокитство, неприятное Гале, он однажды сказал ей: «О Вас могут нехорошо думать. Давайте поженимся». Галя отрицательно покачала головой: «Нет, Сергей Александрович, что обо мне будут думать, мне все равно, я не пойду за Вас замуж из-за того, чтобы люди обо мне лучше думали».

И все же сам Есенин считал Галю своей женой, напоминая об этом даже Мариенгофу: "Дорогой Анатолий!...Галя моя жена!" А сколько раз он писал ей извинительные записки за свои непоследовательные и сумбурные поступки.

"Галя, милая,
Простите за все неуклюжества".

"Галя, милая!
Простите, что обманул. Дня я еще не видел. Какой он есть.
Думаю, что не смогу поехать с вами. Немного разбит физически."

После разрыва со своим другом, Есенин не пожелал оставаться в общей квартире на Богословском и перекочевал временно ко Старцеву на Оружейный. Приходил только ночевать. Сергей страшно мучился, не имея постоянного пристанища. Он то ночевал на Никитской, то на Богословском, то еще где-нибудь, как бездомная собака скитаясь и не имея возможности ни спокойно работать, ни спокойно жить. Все больше и больше возникала у Гали мысль приютить Сергея у себя, на Никитской, где в густонаселенной квартире № 27 жили все его старые знакомые, сотрудники газеты "Беднота": Аня Назарова, Яна Козловская, журналистка Софья Виноградская и сам редактор газеты Грандов со второй женой.

Купить квартиру Есенину было не на что. Неоднократные обращения к Троцкому и во ВЦИК с просьбой о предоставлении квартиры остались без внимания. Один чиновник даже сказал Ане Назаровой, хлопотавшей за Есенина: "У Есенина есть жена – Дункан, а у нее великолепный особняк, почему он не живет там? Как вы наивны – знаете, сколько в Москве поэтов? Неужели всем я должен давать квартиры?" Таким образом, Сергей в начале октября поселился у Гали в ее комнате на восьмом этаже большого углового дома газеты "Правда" на пересечении Бол. Никитской улицы и Брюсовского переулка. Из окна комнаты открывался вид на Кремль.

На плечи мужественной девушки легла тяжелая ноша. Чего стоили все эти есенинские пьянки вместе с облепившими его прихлебателями. В своем самомнении Есенин совершенно не обращая внимания на обитателей этой квартиры. Причем делал он это не нарочно, а по своей эгоистической природе. Есенин, по словам Софьи Виноградской, "внешне — жил странно, не по-обычному. Шумно, беспокойно. Вокруг него постоянно галдела ватага людей, среди которой он был самым шумным, самым галдящим. Те квартиры, где жил Есенин, знали все, кроме покоя. И не то, чтобы он шумом своим заполнял всю квартиру,— он квартиру и ее обитателей приводил в движение, заставлял их вести общую с ним жизнь. Там, где он бывал, все жило им.

Есенин не чувствовал разницы между днем и ночью. Самые важные дела он собирался выполнять ночью. Ночами звонил по телефону, поднимался ночью с постели и отправлялся к знакомым, не глядя на часы. Когда его спрашивали, почему он является или звонит по несколько раз по телефону ночью, он удивленно, с неизменно рассеянной улыбкой отвечал:

— Разве? А я и не знал, что уже ночь. Я и не подумал.

Все это у него получалось вдруг, неожиданно, так же неожиданно, как его отъезды и приезды".

Нарциссизм Есенина, его подсознательная самоидеализация и самовосхваление заставляют его постоянно быть среди людей, верховодить ими, принимать от них знаки восхищения. Вокруг Есенина все время крутились различные собутыльники и любители острых ощущений, жаждущих выпить на дармовщинку и безудержно льстивших Есенину, попутно обирая его карманы поэта. Это был, прежде всего, Сема Борисов-Шерн, сотрудник "Красной нови" и "Известий". На доводы Гали, что Есенину нельзя пить, он отмалчивался или, в буквальном смысле, отмахивался, но вместе с тем упорно спаивал последнего, старался затащить его в какой-нибудь кабак или «к девочкам». Как

и вся есенинская "братия", он знал установившийся порядок: если втянуть Сергея в компанию, то всё оплачивает он, вино, извозчики и даже «девочки» — всё за его счет. Есенин сам неоднократно рассказывал Гале, как приятели подбивали его пойти к проституткам, прекрасно зная, что проституток он боялся, как чумы. "Ни трезвый, ни пьяный, — писала Бениславская, — он никогда не мог решиться на это — страх преодолевал все. Но приятелям было важно, чтобы Сергей Александрович был в компании лишь для того, чтобы он расплачивался".

К той же плеяде принадлежал и Иосиф Аксельрод, который поначалу подметал полы в "Стойле", став потом "советским служащим". Вокруг Есенина крутились всякие кокаилисты и пьянчуги типа Зелика Персица, Бориса Глубоковского, Кожебаткина. Пил Сергей и в компании своих литературных друзей: Ганина, Клычкова. Галя и ее подружки, а позже и Катя, сестра Сергея, с отчаянием и остервенением боролись со всей этой «нищенствующей братией», "со всеми подонками, — по словам Бениславской, — которые, как мухи на мед, липли к нему". Есенин не умел, или не хотел отбиваться от них. Вызволяла Сергея из этой компании Галя Бениславская. Заходя за Есениным в «Стойло Пегаса», чтобы пораньше увести его домой, она проходила сквозь строй враждебных, ненавидящих глаз. Жена. Не жена. Любовница — тоже нет. Компания постоянно ехидничала: «Бабе подчинился». На что Есенин с улыбкой отвечал: «Да, ей я подчиняюсь и никак не хочу обижать ее».

Таких походов за Есениным в кабаки было бесконечное множество. Однажды «друзья» подбили поэта на минуту зайти в «Привал энтузиастов», где Сергей городил какую-то пьяную чушь, с выкриками, слезами, «бия себя в грудь, как паяц. Его поили его со всех сторон, а потом подбегает какой-то тип: «А, Сережа, как ты? Поедем к б...м». Есенин как всегда отнекивается.

«Чего ж «нет»? Что, у тебя не стоит? Знаешь, у меня стоит, да как еще».

"И Сергей Александрович, который мог часами матерщинить, — вспоминает Бениславская, — закорчился от такой циничности, смущенно отвечает: «Да, у меня тоже, все время. Ну, пока, пока».

Прекрасную психологическую характеристику причин такой тяги Есенина к попойкам в кругу своих "друзей" дала Софья Виноградская. "Вся эта, неизвестно откуда появлявшаяся, разношерстная компания, жившая за его счет, пропивавшая его деньги, — пишет журналистка, — в такие минуты только поддакивала ему, а иногда и втягивала его в скандал. Эти «друзья» умели трагически бить себя в обнаженную грудь, твердить, что

он да они — поэты — соль земли, да истошно плакать:

— Ах, Сережа, смысл ты мой!

— Ах, на Руси только мы с тобой!

Нельзя сказать, чтобы он им цену не знал. Он не раз говорил о них с омерзением, называл их глупыми, бездарными....Потребность иметь друзей была у него велика, и потому очень легко втирались в его доверие и жизнь все те, кому он нужен был, кому он был выгоден...

Чем привлекали его эти «друзья»? Многим. Кто любовью, кто лестью, а кто игрой на слабых струнках Есенина. Есенин, как всякий большой талантливый поэт, был горд, самолюбив. Есенин считал, что он «в России самый лучший поэт», и требовал соответственного к себе отношения. В жизни же он иногда встречал к себе отношение не как «к самому лучшему поэту», а как к скандалисту, хулигану. Некоторые действительно из-за его пивных скандалов не хотели видеть в нем талантливого поэта. Это его злило, задевало. И когда он лично сталкивался с такими людьми, то с какой-то злой, нехорошей насмешкой говорил: «Это я — Есенин! Знаете, есть такой поэт, пишет неплохие стихи». Вот эту-то черту, эту-то больную сторону Есенина подхватывали его так называемые «друзья», ее-то они растравливали, говорили ему, что его, как и их, мало ценят — «на Руси только мы с тобой».

Есенин подсознательно стремился компенсировать внутреннее презрение к себе вниманием, уважением, признанием, восхищением и любовью со стороны других. Такое поведение определяемое характером поэта, обусловлено было потребностью в триумфе. Результатом явилось полная зависимость собственной самооценки от мнения окружающих людей. Отсюда постоянная потребность в людях, которые прославляли бы его. Но Есенину самому было приятно изображать метра русской поэзии. Поэтому он часто бывает в "Стойле", где у Сергея свое особое место — два мягких дивана, сдвинутых углом и стульями отгороженного от публики.

"Есенин много пьет, — вспоминает Пяст. — Всех угощает. Вокруг него кормится целая стая юных, а теперь и седеющих, и обрюзгших уже птенцов. Это всё «пишущие» — жаждущие и чающие славы или уже навсегда расставшиеся с ней". Желание быть все время на публике, потребность верховодить, оставшаяся с детства, неосознанное желание быть в гуще скандалов, пиетета в свой адрес совмещалось у Сергея с какой-то удивительной подозрительностью к людям. Эта подозрительность шла и от крестьянской закваски, и от обострившейся болезни — алкогольной зависимости,

результат развитого невроза "поиска славы".

При всей своей общительности и постоянном присутствии на публике, Есенин был неспособен принимать любые положительные чувства других буквально. Compliment мог в его восприятии выступить как саркастическое замечание, выражение симпатии — как снисходительная жалость. Кто-то хочет его видеть — это потому, что он от него что-нибудь хочет. Другие выражают к нему расположение — это, возможно, только потому, что они плохо его знают, что они сами ничего не стоят, или потому, что он был или мог бы быть им полезен.

В результате происшествия, в действительности не означающие враждебности, интерпретируются им как доказательства презрения. Кто-то не поздоровался с ним на улице или в театре, не принял его приглашения или не ответил сразу же — это может быть только пренебрежением. Кто-то добродушно подшутил над ним — это явное намерение унижить его. Возражение или критика какого-то его предложения или действия становится не честной критикой конкретного действия, а доказательством презрения к нему со стороны других. Многие знакомые и друзья поэта замечали его необычное поведение.

"Есенин, — считала Софья Виноградская, — людям не верил, был, что называется, "себе на уме" и людей видел насквозь". То же самое говорит и Мариенгоф: «Есенин был очень подозрителен и недоверчив. Бесцеремонно впиваясь взглядом в лицо собеседника, он всегда пытался прочесть тайные его замыслы, считая, что у каждого они имеются "беспрерывно"».

"Он замечал и запоминал каждое сказанное ему слово, — писал Грузинов, — замечал еле уловимое движение, в особенности если оно было направлено по его адресу. В «дружеской попойке», если при этом были малоизвестные ему люди, он подозрительно следил, как относятся к нему окружающие". Однако вместе с тем "прощал все обиды, материальные ущербы, оскорбления, дурные поступки, все что угодно, если знал, что данный человек в глубине души хорошо к нему относится".

В отношении к людям у Есенина было много противоречивого, непонятного, неразумного даже. С одной стороны подозрительность, а с другой хорошее, даже прощительное отношение. "Как правило, Есенин со всеми прост и деликатен, — писал о поэте муж его сестры Екатерины, писатель В.Ф. Наседкин. — Похоже было — на людей Есенин смотрел через какие-то свои, им самим сделанные, розоватые очки. Люди у него все хорошие, порядочные. Но чувствовалось, что где-то глубоко у него затаено другое,

которому Есенин сознательно не давал ходу".

Такое покладистое отношение Есенина к людям, приносящим ему фактически много вреда, психоаналитики также объясняют резко действующим фактором "презрения к себе" у невротика. Находящийся во власти презрения к себе человек часто испытывает со стороны других слишком много злоупотреблений. Он даже не может распознать явного злоупотребления. Даже когда Есенин негодовал на поступки того же Приблудного, Клюева или Ганина, не говоря уже о всяких Зеликах и Аксельродах, он склонен был преуменьшить или оправдать поведение обидчика. На недружелюбные взгляды и ворчанье Бениславской и Назаровой на поведение его прихлебателей, Сергей каждый раз говорил: "Не обижайте его, он хороший". И женщины "не обижали", а поили и кормили за свой счет. Порой в комнатке Галины ночевало по 10 человек после очередного похождения Есенина.

Есенин постепенно начинал двигаться по жизни без цели и плана, туда, куда несла его буйная фантазия. Сергей всегда выглядел организованным и целенаправленным тогда, когда он занимался пробиванием своих произведений, своей славы и боролся за первенство в русской поэзии. Но его личная жизнь, его подлинные желания и стремления оказывались в ловушке противоречивых сил. Галя Бениславская, у которой по ее собственным словам, "из постоянной тревоги за него выросла какая-то материнская чуткость и внимательность к нему", отмечала эти противоречия в характере поэта.

"Сергей Александрович очень страдал от своей бездеятельности. Нечем стало жить. Много, очень много уходило и ушло в стихи, но он сам говорил, что нельзя ему жить только стихами, надо отдыхать от них. Отдыхать было не на чем. Оставались женщины и вино. Женщины скоро надоели. Следовательно — только вино, от которого он тоже очень хотел бы избавиться, но не было сил, вернее, нечем было заменить, нечем было заполнить промежутки между стихами".

Есенин не мог нормально работать, как другие люди. Сначала он носился с идеей создать журнал, радостно, как ребенок, цеплялся за эту мысль, пытался организовать редколлегию. Но его самолюбие и желание первенствовать ни к чему не привели. Есенин не мог ничего организовать. Карен Хорни писала о таких невротиках, что "они вынуждены предоставить ориентацию своих жизней другим вместо того, чтобы самим брать ее в свои руки. Они будут ощущать растерянность, будучи

предоставлены собственным ресурсам". Ослабление направляющих сил в жизни Есенина проявлялось и в его недостаточной способности принимать ответственность на себя. Он, как капризный ребенок, действовал под руководством импульсов, не ощущая своей жизни и не принимая решений по изменению своей жизни.

"Нельзя все время чувствовать себя поэтом, – писал о Есенине Спасский, – путать искусство с жизнью. Должны быть спокойные промежутки трезвого будничного существования, со всеми человеческими трудностями, заботами, отвлекающими от восторженных состояний. В такие промежутки происходит самопроверка, точное взвешивание всех своих качеств. Боязнь таких промежутков, боязнь остаться с самим собой наедине приводит к искусственному вздергиванию себя, хотя бы при помощи алкоголя — простейший выход из любых положений. Тем более что алкогольная стихия тоже может быть использована для творчества. Она подбрасывает новые темы, находящие достаточно широкий отклик. Привычка переходит в болезнь, и тогда действительность смещается. Все кажется вокруг подозрительным, тебя преследуют, за тобой следят".

И Галя Бениславская, и Августа Миклашевская, и Надя Вольпин, и другие настоящие друзья поэта старались отвлечь его от вина, от компании его собутыльников. При этом в своих воспоминаниях они старались доказать, что именно они понимали сложный характер поэта и мучающие его проблемы, что именно они были необходимы поэту, чтобы отвлечь его от пьянства и переживания собственных конфликтов. "Тогда уже я отчетливо знала, – писала Бениславская, – что он болен и что для себя я от него ничего не вправе требовать. Решила сделать все, чтобы лечить его... Знала, что если я не помогу, то больше некому подумать о нем. А он уже стоит на краю пропасти". А Надя Вольпин писала, что в ее присутствии у Есенина успокоенное и счастливое лицо "лицо блудного сына, вернувшегося к отцу!"

Много резких слов сказали в своих воспоминаниях по поводу окружения Сергея любящие и жалеющие его женщины. Миклашевская отмечала, что "друзья" поэта "постоянно твердили ему, что его стихи, его лирика никому не нужны... Они знали, что для Есенина нет боли сильней — думать, что его стихи не нужны. И «друзья» наперебой старались усилить эту боль. Трезвый Есенин им был не нужен". Поэтому в компании "друзей" Есенин всегда злился, старался найти себе "врагов". "Обычно скандал начинался, – вспоминала Софья Виноградская, – когда у Есенина появлялся «враг». Не было у него «врага», и он его выдумывал или находил. Нетрезвый, он всегда

рассказывал о ком-то, обидевшем его когда-то, и о «расправе», которую он тому готовит; или выбирал себе «врага» из присутствующих". Начинался пьяный скандал на потеху публике. Есенин находился в заколдованном колесе своего развивающегося невроза.

Однако сильнее пьянствующих поэтов, артистов и прихлебателей на психику Есенина действовала Айседора Дункан, которая должна была скоро возвратиться из своего турне по Югу России.